

О сохранности росписи весьма трудно пока сказать что-либо конкретное¹⁷.

Из жития Пафнутия мы узнаем ряд любопытных подробностей о Дионисии — о большой известности его уже в конце 60-х—начале 70-х годов XV в., об уважении Пафнутия к таланту Дионисия (когда художник заболел, Пафнутий сам просил его поскорее начать работу); о том, что у живописцев были «пособники»; наконец о тяжелой болезни ног, которой страдал художник¹⁸.

О следующей работе Дионисия, исполненной около 1481 г., сообщает «Сказание известно о Каменном монастыре», составленное между 1481 и 1501 гг. Паисием Ярославовым¹⁹. По словам «Сказания», угличский

сочинения, возможно, послужившего источником записи 1477 г. в придворном летописном своде (ср. выше, прим. 13): «Блаженнии же Пафнотие церков въздвиже прежь древяну, по том же каменну оустрои и свящал в лето 6975 месяца октебря 26 на память святаго великомученика Димитриа. И подписа ея чудно велики, Митрофаном старцем, и Дионисием живописци хитрыми в Роустей земли, и их оученици и пособници, оукраси ея иконами и книгами, яко дивитися и самим тем самодръжцем Рускыа земли. . .» [«Сборник житий русских святых», XVI в. ГБЛ, ф. 304, № 692, л. 119 об.]. Сопоставив эту цитату с указанным текстом великокняжеского свода конца XV в., нетрудно заметить, что придворный летописец умышленно опустил имена художников. В. И. Антонова («У Медвежья озера и Веси Егонской», стр. 189), ссылаясь на житие Пафнутия, относит роспись собора к 1467 г.; однако ни вассиановское житие, ни «Сказание о преподобном Пафнутии» не содержат на этот счет точных указаний. Следует также помнить, что роспись церковей в Древней Руси из технических соображений обычно производилась не ранее, чем через год-два после окончания строительства. Итак, стенопись собора Пафнутьева монастыря возникла не ранее 1467 г., точнее, если учесть, что стенописные работы не велись в холодное осенне-зимнее время, — не ранее лета 1467 г. Вторая хронологическая граница — кончина Пафнутия (1 мая 1477 г.). Как явствует из жития и приведенных выше летописных свидетельств, роспись собора была закончена при жизни игумена. Самая поздняя дата, которую можно предположить для росписи, — лето 1476 г. Датировка росписи 1480 г., предложенная А. И. Некрасовым («Древнерусское изобразительное искусство». М., 1937, стр. 258), не находит подтверждения в источниках.

¹⁷ Пробные расчистки на стенописи собора выявили сохранность живописи XVII в. При этом грунт XVII в. не удалялся. Между тем на цоколях старой кладки видны остатки живописи XV в. Это заставляет с вниманием отнестись к словам В. Т. Георгиевского, который утверждал (указ. соч., стр. 42, прим. 1), что фрагменты фресок Дионисия сохранились под побелкой.

¹⁸ Последнее обстоятельство натолкнуло покойного художника-реставратора С. С. Чуракова на предположение о том, что в одной из фресок юго-западного столба церкви Ферапонтова монастыря Дионисий представил самого себя с женой и двумя сыновьями, сидящим с обнаженными ногами у источника (С. С. Чураков. Указ. соч., стр. 107—111). Противоречащая специфике древнерусской живописи гипотеза С. С. Чуракова не получила признания исследователей.

¹⁹ «Сказание» заканчивается известием 1481 г. о пострижке вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим каменного собора Спасского монастыря. Биография современника Дионисия Паисия Ярославова изучена плохо. По некоторым сведениям, он — пострижник Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере; около середины XV в. находился в Кириллове монастыре и был учителем прославленного древнерусского философа Нила Сорского (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1874, стр. 190). В 1478 г. по желанию Ивана III назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря; в 1482 г. отказался от игуменства из-за самоуправства постригшихся бояр и князей, которые хотели его убить; стал советником великого князя по церковным вопросам. В 1484 г. Иван III хотел сделать Паисия митрополитом всея Руси, но тот отказался (ср. ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 452). В 1489 г., как явствует из послания в Ферапонтов монастырь новгородского архиепископа Геннадия бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 320), Паисий находится в одном из заволжских монастырей. В 1490 г. он снова в Москве, вместе с Нилом Сорским, присутствует на соборе против еретиков. Умер Паисий в Москве 23 декабря 1501 г. (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 28). Факт упоминания имени художника среди сообщений о важнейших событиях жизни крупного монастыря чрезвычайно важен — он свидетельствует о том, что «заволжские старцы» высоко ценили живопись Дионисия и вовсе не были невеждами в искусстве, какими их нередко представляют.